

ОТ ПОБЕДЫ К РАЗВАЛУ

Беседы Александра ЗИНОВЬЕВА с Виктором КОЖЕМЯКО

Две беседы с выдающимся русским мыслителем Александром Александровичем Зиновьевым, предлагаемые вашему вниманию, состоялись пять лет назад. Тогда, в 2005-м, мы отмечали 60-летие Великой Победы, и мне хотелось услышать, что думает об этом событии один из наиболее глубоких исследователей социальных процессов XX века, который в юности сам был участником той войны.

В предыдущих наших беседах (а их с 1994 года, то есть с первого его приезда в Россию из вынужденной эмиграции, состоялось тогда уже немало) он не раз так или иначе касался военной темы. Теперь же я её конкретизировал, предложив Александру Александровичу поговорить об отношениях нашей страны с Западом в ходе Великой Отечественной. Всё-таки в Зиновьеве я видел специалиста по Западу: он не только много лет там прожил, но и обстоятельно, всесторонне исследовал его как учёный в своих известных книгах “Запад”, “Глобальный человек” и других.

Тему мой собеседник охотно принял, однако ещё до обговорённой встречи она у меня расширилась. Не отпуская роковое совпадение: памятная дата величайшего триумфа нашей Родины, каковым стала советская победа в Великой Отечественной войне, совмещалась по времени с другой, тоже круглой, но вовсе не радостной датой – 20-летием начала нашего величайшего поражения, которое он, Зиновьев, назвал “катастрофой”.

Чем же была обеспечена Великая Победа Советской страны в 1945-м и результатом чего стало тяжёлое поражение наше спустя неполных полвека? И какова в этом роль Запада? Он вероломно ворвался к нам как злейший, лютей агрессор в лице гитлеровской Германии и её сателлитов; он был вместе с тем вроде бы нашим союзником по Второй мировой войне в лице США и Великобритании; но потом, очень скоро после победы над Германией и Японией, он же начал против нас многолетнюю, затяжную, изнурительную “холодную войну”. Исход её для нашей страны стал, как известно, поистине трагическим...

Вот о чём говорили мы с Александром Зиновьевым в 2005 году. Теперь идет 2010-й. Опять сошлись две круглые даты – на сей раз 65-летие Победы и 25-летие начала горбачёвской “перестройки”, обернувшейся катастрофой, то есть катастрофой для нашей Родины.

Перечитываю беседы с Зиновьевым пятилетней давности. Устарели они? Не выдержали испытания временем? Что-то оно в них опровергло или поставило под сомнение?

Нет, нет и нет! Наоборот, годы, прошедшие после нашего разговора, на мой взгляд, полностью подтвердили те мысли, которые Зиновьев высказывал о нашем вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне в связи с политикой Запада. Увы, всё более нагло проявляется отношение к России как к разгромленной, поверженной стране, с которой можно не церемониться. Всё очевиднее стремление не только лишить нашу Отчизну статуса главной победитель-

ницы в эпохальной войне, но и уравнивать её с агрессором или даже представить Советский Союз в образе страны гораздо большего зла, нежели фашистская Германия.

Словом, фальсификация истории, о которой резко говорил Зиновьев, продолжается в растущих масштабах. А что же созданная российским президентом комиссия по противодействию этой фальсификации, наносящей колоссальный ущерб нашей стране? Помалкивает! Да это и неудивительно, если знаковая фигура в комиссии не кто-нибудь, а Сванидзе...

Запад наступает, и “пятая колонна” в России делает своё подлое предательское дело. Так же, как она делала это во время “катастрофы”, служа врагу. Впрочем, сама нынешняя власть всячески угодничает, стелется перед врагом, сдавая позиции одна за другой, то есть границы расползающейся “пятой колонны” становятся просто-таки неувеливаемыми.

Однако спасение наше по-прежнему только в сопротивлении, которое тоже должно нарастать. Зиновьев, никогда не смягчавший тяжесть положения, в котором мы оказались, призывал не впадать в отчаяние и как аргумент приводил собственное видение ситуации начального периода великой войны: “Нас окружили превосходящие силы немцев, у нас плохое оружие. Казалось бы, мы были обречены. Одни сказали: да, мы обречены – и пошли сдаваться немцам... Другие сказали: да, мы обречены и поэтому будем сражаться до конца. И прорвались, какая-то часть вырвалась. Так вот, сегодня от людей нередко слышишь: надо надеяться, что кто-то всё-таки нам поможет... Нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя”.

Кстати, любопытный поворот у него дальше. Он ставит вопрос: “А что это значит?”, имея в виду, что значит рассчитывать на себя? И отвечает так: “Прежде всего – нужно мозгами шевелить. Выдвигаю такой лозунг: надо перемудрить наших врагов!”

Он считал, что в сопротивлении врагам и в борьбе за спасение России главным оружием у нас сегодня должны стать наши мозги. “Надо, – говорил он, – как следует разобраться, понять на научном уровне, что такое был наш советский социальный строй, в чём его колоссальные преимущества и почему он рухнул. Что получилось после этого, каковы дальнейшие намерения Запада в отношении России, куда идёт процесс, на что можно рассчитывать? Вот всё это нужно понять. И находить, изобретать средства сопротивления в соответствии с этим пониманием”.

Интеллектуальное наследие, завещанное соотечественникам выдающимся учёным и настоящим патриотом России Александром Зиновьевым, может помочь нам в отстаивании нашего будущего.

Виктор КОЖЕМЯКО

ВОЙНА – ПОБЕДА. РОССИЯ – ЗАПАД

Виктор Кожемяко: Вот есть проблема, не новая, конечно: Россия – Запад. Или, скажем, Запад – Россия. Вас, Александр Александрович, наверное, можно считать специалистом по этой проблеме. И мне хотелось бы прежде всего поставить вопрос о том, как видится сквозь её призму сегодня Великая Отечественная война – с учётом юбилея Победы, отмечаемого нынче всё-таки очень необычно. Имею в виду опять наши отношения с Западом. Уж столько претензий предъявлено нам в связи с победным юбилеем, столько счетов выдвигается! Причём идут по нарастающей: обвинения в оккупации Прибалтики, Польши, других стран Восточной Европы и так далее.

И вот невольно вспоминаешь на этом фоне, как складывались наши отношения во время войны. Думаешь и о том, что фашизм стал ведь порождением западной цивилизации, что Германия, нападая на нас, – это западная страна. Да, союзниками нашими были тоже западные страны. Однако сложность и определённая острота отношений с ними постоянно ощущались и в годы войны, а едва она закончилась – сразу же началась “холодная война”, и начал её Запад. Каков Ваш сегодняшний взгляд на всё это и каковы ваши оценки?

Александр Зиновьев: Я прожил достаточно долгую жизнь. По существу, вся основная часть советской истории прошла перед моими глазами, я её видел и, можно сказать, щупал. И западный мир наблюдал своими глазами.

Кроме того, пользовался самой разнообразной информацией, из которой, благодаря моей методологии, умею извлекать то, что заслуживает доверия.

Свои исследования я начал как советский человек, выросший в советских условиях, исходя из наблюдений советской жизни, а затем — современной жизни на Западе. Я исследователь современности и к истории обращаюсь постольку, поскольку в современности обнаруживается то, что сохраняется от прошлого времени. История не исчезает, она в сокращённом, концентрированном виде сохраняется.

В. К.: Значит, изучая современность, вы вместе с тем всё же изучаете историю? Она ведь так или иначе присутствует во многих статьях новой вашей книги...

А. З.: Основным объектом моего исследования с самого начала было советское общество. То есть общество, которое возникло после революции 1917 года. Его становление, формирование, его развитие. Советская история включила в себя такое колоссальное событие, как Великая Отечественная война. И западный мир я изучал постольку, поскольку эта война была не только с Германией, а с западным миром вообще. Изучал западный мир как врага в той войне, а также в предшествовавшей и последующей.

Считаю, что возникновение Советского Союза, сама Великая Октябрьская социалистическая революция и то, что получилось в её результате, есть величайшее явление XX столетия. Да и не только! Как социальное явление оно величайшее во всей истории человечества. В результате был осуществлён грандиозный социальный эксперимент. Возникло не просто общество коммунистического типа, какого не было никогда раньше, — возникла особая линия эволюции человечества, качественно отличная от той, которая имела место до этого. Отличная от западннистской, капиталистической линии эволюции. И этот феномен оказался очень жизнеспособным. В поразительно короткий срок начал задавать тон во всей мировой эволюции. Коммунистическая линия эволюции стала конкурирующей, причем успешно, с западннистской линией. Эта конкуренция, эта борьба и составляла основное содержание всей истории человечества в XX веке.

Подчеркну: сегодня всё, что касается Советского периода и вообще истории XX века, чудовищно фальсифицируется. И чем дальше, тем больше. В том числе, разумеется, Великая Отечественная война. Вот вы возмущаетесь, чем обернулось на Западе празднование 60-летия Победы.

В. К.: Ещё бы! Не празднование, а кощунство какое-то. Забыто всё доброе, что нами для них сделано, перевернуты с ног на голову понятия оккупантов, агрессоров, представления о героизме и предательстве...

А. З.: Меня тоже всё это возмущает. Но несколько не удивляет. Ведь фальсификация, которая была и раньше, теперь, как и следовало ожидать, значительно усилилась фактором поражения коммунистической социальной системы, Советского Союза, то есть России как коммунистической страны. Наступила эпоха мировой реакции. Вы знаете, после разгрома Наполеона тоже наступила в Европе известная реакция, реставрация всяких режимов феодальных, и пошло в значительной мере попятное движение. Но та реакция, которая наступила сейчас, в сотни и тысячи раз превосходит то, что было тогда. Наступила реакция социальная, она захватила целиком и полностью духовную сферу, всю сферу идеологии, культуры. А если взять Запад, то почти всё, что теперь пишется и говорится там об этом периоде истории и о нашей стране, включая Великую Отечественную войну, почти всё, без исключения, сфальсифицировано! И продолжает фальсифицироваться.

В. К.: Осуществление глобально поставленной задачи?

А. З.: Да, конечно. Интеллектуальный уровень фальсификаторов невысок, но их огромное число, они обладают огромными техническими, финансовыми средствами, и влияние на человеческие умы в итоге получается достаточно мощным. А сопротивление слабое. Силы сопротивления ведь не имеют возможности столь широких публичных выступлений, а потому и такого влияния на людей.

В. К.: Если говорить об официальной российской позиции, то она даже не слишком и сопротивляется. Более того, оказывается заодно с западными и доморощенными фальсификаторами, смыкается с ними зачастую на сто процентов. Я имею в виду позицию власти. Так хочет ли она, власть, действительно противостоять западной клевете и западным претензиям? Мы же ви-

дим: историческая фальсификация уже перешла из сферы пропаганды в плоскость государственных претензий – территориальных, финансовых и прочих. Совершенно аморальных, но предельно наглых!

А. З.: Причина та же. Советский Союз разгромлен, Россия разгромлена. Она капитулировала, её сдали, причём сдали без боя. А раз так, победители, распоряжающиеся судьбами человечества, в том числе нашей страной, делают, что хотят.

В. К.: Жалкое впечатление производит позиция нынешней власти и её пропаганды! Вот показывают по государственному телеканалу “Музей оккупации”. В Риге или Таллине. Говорят: при входе – бюсты Гитлера и Ленина. Вроде бы комментатор, приводя этот факт, осуждает его в контексте осуждения прибалтийских претензий. Но ведь в других передачах того же телеканала и разных прочих людям то и дело внушают тождественность Гитлера, Ленина, Сталина, идентичность фашизма и коммунизма. Это и в газетах, не только каких-то частных, но и государственных. Скажем, в правительственной (!) “Российской газете” всё это можно прочитать у какого-нибудь Радзиховского и других оголтелых “демократов”. Та же “пятая колонна”, которая разрушала Советский Союз, всюду действует и сегодня. Да что там! Сам Путин заявляет: победили, дескать, вопреки “тоталитарной” власти, которая, оказывается, всячески ослабляла страну...

А. З.: Действительно, наше высшее руководство активно участвует в фальсификации истории, говоря Западу: “Чего изволите?” Продолжение капитулянтства, признак бессилия! Когда был мощный Советский Союз, то этой сволочи мировой можно было противопоставить силу. С этой мразью можно бороться только силой. А в нынешнюю реакцию вовлечены вся мировая сволота, вся грязь международная и внутренняя. Здесь, в России, они по существу господствуют. И вести с ними полемику на уровне доводов невозможно. Они навязывают форму борьбы заведомо проигрышную.

Это касается и межгосударственных отношений, особенно если учесть двойственность, непоследовательность и неуверенность поведения нынешней российской власти, на что вы совершенно правильно обратили внимание. В самом деле, жалкое это производит впечатление! Например, Латвия предъявляет нам какие-то претензии, а в ответ: ведь мы тоже можем предъявить вам счёт. Возражения, протест звучат просто как лепет.

В. К.: От той же самой двойственности и непоследовательности. Скажем, по отношению к так называемому пакту Молотова–Риббентропа. Да и по отношению ко всей войне, к самой Победе, которая, получается, “неправильная”, если связывать её с Коммунистической партией и “тоталитарной” Советской властью.

А. З.: Пытаются оторвать, но это и есть самая большая фальсификация. Вся советская история, частью которой являются Великая Отечественная война и Великая Победа, – это событие глобальное, эпохальное. В истории человечества более грандиозных событий не было. И сразу после Великой Октябрьской революции началась борьба Запада со вновь возникшей эволюционной линией. Война, которая не прекращалась ни на минуту, принимая самые различные формы. Вот в чём суть! Так что вся советская история – это история борьбы западного мира против коммунистической линии эволюции.

В. К.: Значит, боялись, коль не принимали такую линию, развернув против неё войну?

А. З.: Это очевидно. С самого начала эта линия развития отвергла то, на чём основывалась западная эволюционная линия. Ликвидирована была частная собственность на средства производства, ликвидировано частное предпринимательство, всё было централизовано, объединено, и сложилась совершенно новая социальная структура, возник новый тип социальной организации. Сейчас это изображают как чёрный провал, как чёрную дыру. Но если бы действительно была чёрная дыра, то не стали бы с этим так яростно бороться.

В самые короткие сроки коммунистическая линия социальной эволюции обнаружила колоссальные преимущества перед западной. В кратчайший период страна из безграмотной стала самой образованной, был создан высочайший уровень культуры, созданы мощная наука и экономика. Что бы там ни говорили, советская экономика была в целом почти в два раза эффективнее западной, если её рассматривать как новое явление, а не переносить понятийный аппарат западной экономики на нашу.

В. К.: Наверное, недаром происшедшее в нашей стране многие называли чудом.

А. З.: Надо принимать во внимание конкретные исторические условия: состояние страны, геополитические условия, природные условия, человеческий материал, в каком состоянии он находился. Если всё это иметь в виду, то действительно произошло настоящее чудо. И во время войны коммунистический строй проявил свои колоссальные преимущества.

Западный мир готовил Германию специально для того, чтобы разгромить советское общество руками Гитлера. Это излишне доказывать. В прошлые годы для всех это было очевидно, это несомненные факты. Готовили гитлеровскую Германию, помогали ей, и фактически Германия располагала всеми ресурсами Европы. Когда начинают говорить, что Германия столько-то людей потеряла, а Советский Союз – столько-то, всё это жульнические приёмы. В распоряжении Германии, как в своё время и в распоряжении Наполеона, вся Европа была. Советский Союз все аспекты жизни обеспечивал за счёт своего населения. А немцы чисто немецкое население могли использовать главным образом для войны, а на полях и фабриках работали миллионы рабов. Гитлеру служила, по существу, вся европейская экономика.

В. К.: Кроме английской.

А. З.: Дело в том, что Вторая мировая война состояла из двух войн. Первых, это была война внутри самого западного мира и, во-вторых, война западного мира против коммунистического. Они совместились. Хозяева западного мира хотели двух зайцев убить. С одной стороны, ослабить внутреннего конкурента в лице Германии, а с другой – руками этого конкурента разгромить эпохального исторического противника – коммунистический мир.

Они, конечно, допустили очень грубый просчёт. Они многое просто не понимали.

В. К.: “Они” – это кого вы имеете в виду?

А. З.: Западных стратегов. Как гитлеровские, так и американские, английские, французские, они не понимали сущность того социального строя, который у нас сложился. Может быть, и советские руководители на уровне научном не вполне отдавали себе в этом отчёт, но они действовали внутри этой системы, средствами этой системы и в практическом опыте опирались на её закономерности.

Великая Отечественная война была как раз блестящим проявлением превосходства советской системы. Мелочиться и вступать здесь в дискуссии с фальсификаторами советской истории по каким-то частностям не собираюсь. Факт остаётся фактом: мы победили. Если взять всю совокупность факторов, благодаря которым мы добились победы, то элементарно можно показать, что решающую роль сыграла именно коммунистическая социальная система, то есть советская система власти и структура управления, Коммунистическая партия, сталинское руководство и лично Сталин.

Сейчас, когда праздновался юбилей Победы, президент и все прочие говорили: народ победил, народ победил... Но какой народ? Советский! А об этом, с моей точки зрения – самом главном, молчат. Если быть верным требованиям науки, то надо прямо сказать: в Великой Отечественной войне одержала победу советская социальная организация. То есть народ, организованный в коммунистическую систему; народ, создавший новый социальный строй; народ, коммунистически образованный и воспитанный. Это была победа Коммунистической партии, победа коммунистов, это была победа сталинского руководства и лично Сталина. И нечего тут финтить!

В. К.: Ну, сказать о ведущей роли партии коммунистов в достижении нашей Победы, а тем более о великом личном вкладе Сталина у нынешних руководителей России, судя по всему, просто язык не поворачивается.

А. З.: Имя человека, без которого немислима Победа, либо не упоминается совсем, либо преподносится так, будто победили вопреки ему, а он вроде бы только мешал, делал ошибки и совершал преступления. Кстати, речь идёт и о некоей абстрактной России, а не о России Советской, не о Советском Союзе. Если же в этом аспекте что и говорится, то лишь как о чём-то второстепенном или чаще всего – негативном. Короче, из той войны и из нашей победы в ней выхолощивается самое главное – их социальная сущность и характеризующие их важнейшие факты истории.

В. К.: Вернёмся к теме Запада.

А. З.: А на Западе вообще нашей стране отводят теперь второстепенную роль в победе над гитлеровской Германией, присваивая заслугу Победы себе почти полностью. По крайней мере – в основном, в главном. Конечно, страны Запада свой вклад внесли, помогая нам выстоять и разгромить агрессора. Но ведь они это делали не из любви к русскому коммунизму, который всегда хотели уничтожить.

Стать союзниками СССР их вынудили исторические обстоятельства, включая внутренние конфликты в самом западном мире. Но решающим фактором в том, что они после долгого затягивания открыли наконец второй фронт, стали потрясающие победы Советской Армии, не оставлявшие на Западе уже никакой надежды на поражение Советского Союза. Мало того, тут сыграл роль страх того, что наша армия и без участия западных союзников добьёт гитлеровскую Германию и захватит всю Западную Европу. То есть союзники открыли свой второй фронт, спасая самих себя от угрозы победы коммунизма во всей Европе. И надо признать, что основания для этого в те годы были достаточно серьёзные.

В. К.: Тогда, в 1945-м, говоря вашими словами, победила коммунистическая линия эволюции человечества. Однако сразу же началась “холодная война”.

А. З.: Победа сталинского (именно сталинского!) Советского Союза над гитлеровской (именно гитлеровской!) Германией завершила первый этап эпохальной социальной войны западного капиталистического мира против коммунизма. А холодная война, которая началась против нас действительно сразу после Победы, означала второй этап. Результатом, увы, стал разгром советского, коммунистического строя.

В. К.: Давайте подробно поговорим об этом в следующий раз.

А. З.: Я согласен.

“КАТАСТРОЙКА” И ЕЁ ОТЦЫ

В. К.: Итак, Александр Александрович, в этом году сошлись юбилей Великой Победы, то есть величайшей славы нашей, и годовщина начала нашего поражения. Думаю, многие у нас в стране размышляют о том, как такая беда могла произойти. Надо глубже и точнее понять причины поражения, чтобы после него перейти в наступление. Именно так действовало советское руководство в годы Великой Отечественной войны. Ну а сегодня на руководство нашей страны надеяться не приходится – надо думать самим. Задам такой вопрос: какую роль в разрушении СССР сыграла холодная война и в какой связи она оказалась с начатой двадцать лет назад “катастрофкой”?

А. З.: После Второй мировой продолжилась война против нашей страны, но другими методами. Ведь Черчилль так и сказал тогда: в обычной войне мы русских победить не сможем. И вот была изобретена эта новая форма войны. Затяжная, она продолжалась почти полвека. За эти годы происходила эволюция Советского Союза, эволюция советского социального строя, и Запад тоже эволюционировал. Все эти факторы надо принимать во внимание. Десятки, сотни различных факторов, которые действовали совместно. Какой-то одной причиной происшедшее не объяснишь – это было бы примитивно, это донанучный уровень.

К началу горбачёвского правления накопилась некоторая совокупность факторов, ставших основой для последующего перелома. Факторы эти можно разделить на две категории: внешние и внутренние. Впрочем, они оказались воедино слиты, поскольку холодная война отражалась внутри страны и, в свою очередь, внутреннее развитие влияло на ход холодной войны. Приведу примеры, скажем, внутренних факторов. Эти годы не были вовсе временем застоя, провала, как иногда говорят. Ничего подобного! Это был колоссальный прогресс. Я уж не буду приводить такие факты, как космические полёты, водородная бомба и так далее. Только один штрих. В сравнении со сталинскими годами к концу брежневского правления число объектов, подлежащих управлению, увеличилось во много раз.

В. К.: Индустриальных объектов, научных?

А. З.: Всех, которыми нужно было управлять. Сюда входят кафедры, лаборатории, школы, больницы... Как минимум управляемых объектов стало

больше в 300 раз. Знаете, когда сравнивают какое-то время, например, с 1913 годом и приводят какой-нибудь один параметр – допустим, производство хлеба, и тем самым хотят показать, что дореволюционная Россия была на вершине, это всё жульнические приёмы.

Так вот, если сравнивать то, что производилось в конце брежневского периода в Советском Союзе, с тем, что было накануне Первой мировой войны, то доставшееся нам в наследство от прошлой, дореволюционной российской истории составляло меньше одного процента. То есть больше 99 процентов было создано в советский период!

В. К.: Колоссально.

А. З.: Это неоспоримый факт. А управленческий аппарат увеличился всего в два раза, даже меньше. И это – один из тех факторов, которые сыграли свою негативную роль. За десять лет до Горбачёва я писал и говорил об этом. И в ЦК писал, и в президиум Академии наук. Куда-то всё исчезало! А я писал, что назревает кризис.

Высказывал мысль о том, что это будет первый истории коммунистический кризис, поскольку коммунизм считался бескризисным, что нужно принимать меры, иначе это может кончиться катастрофой. Все это оценили как клевету на советское общество. Между тем, среди мер, которые я предлагал тогда, была и такая: увеличить управленческий аппарат. Надо мной хохотали...

В. К.: А что ещё вы относите к внутренним причинам кризиса?

А. З.: Страна обогащалась. И мне становилось всё яснее: чем богаче будет страна, тем острее будут социальные различия. Так и происходило: возникновение привилегированных слоёв, номенклатура, дачи, машины... Происходило расслоение населения. Причём у богатых, зажиточных слоёв аппетиты разрастались быстрее, чем удовлетворялись. Они смотрели на Запад, им хотелось того же самого!

Тем самым создавалась ударная сила контрреволюции. Ведь контрреволюционный переворот при Горбачёве осуществили сверху, а не снизу. Не народные массы, им это и в голову не приходило. И возглавили переворот кто? Генеральный секретарь ЦК КПСС и его пособник – фактически второй человек в партии, секретарь ЦК по идеологии Яковлев. Я об этом много писал, ещё находясь на Западе, и с вами мы на эту же тему говорили. “Пятая колонна” сложилась наверху во главе с самими членами Политбюро. Фактически они сдали страну без боя, предали, перебежали на сторону противника и отдали Родину на растерзание врагам. Эта тема занимает большое место в моей книге “Распутье”.

В. К.: Ну а если перейти к внешним факторам? Что среди них особенно повлияло на поражение СССР?

А. З.: Запад тоже не стоял на месте. На Западе происходил огромный прогресс. Именно существование Советского Союза и холодная война Запада против него способствовали этому.

В. К.: А как вы связываете это с холодной войной?

А. З.: Действовал такой закон, который я называю законом взаимного уподобления воюющих противников. Вот и Запад в чём-то уподоблялся Советскому Союзу. Влияние Советского Союза было колоссальным! То есть Запад по существу заимствовал из советской истории, из советского опыта очень многое. А теперь делают вид, как будто они сами всё это открыли.

В. К.: Планирование, например?

А. З.: И не только. Действительно многое. В результате получилось так, что уровень планирования в западных странах оказался не ниже, а даже выше, чем в Советском Союзе. Когда начали ломать советскую систему, наши “реформаторы” приезжали на Запад и удивлялись: “Ой, да у вас, оказывается, планирование!”

В. К.: Хватились, что называется.

А. З.: Вот именно. Ведь Советский Союз сложился не просто как рядовое общество. Это было объединение очень высокого уровня, сверхобщество. И Запад под влиянием Советского Союза эволюционировал тоже по направлению к сверхобществу.

В. К.: Александр Александрович, вы говорили мне, что задолго до тех катастрофических событий писали о том, что такого рынка, каким его представляют у нас в стране, на Западе уже нет.

А. З.: Да, я уже занимался Западом, у меня были работы по теории Запада. И я предупреждал своих соотечественников: западный мир теперь не та-

кой, каким вы его себе представляете. С этого у меня начиналась книга “Запад”. В западном мире происходили и централизация экономики, и планирование, использовались командные методы, система власти принимала всё более советскообразный вид и так далее. Надо сказать, что Запад в социальном отношении сильно отставал от нас, он отстал почти на 50 лет, потому многое и перенимал. И победы Запада связаны с тем, что он во многом пошёл по тому же пути, по которому шёл Советский Союз. То есть западные страны стали превращаться в сверхобщества. Это и есть важнейший фактор их победы.

В. К.: Это не так-то просто понять.

А. З.: У нас не понимали этого, а западная пропаганда всё время навязывала нам образ такой демократии, какой не было на самом деле, образ рынка, которого на самом деле не было. Недостаточный интеллектуальный уровень высшего руководства, неглубокий анализ реальности – тоже факторы нашего поражения.

Вот что происходило. Запад усиливался, в Советском Союзе назревал кризис, хотя прогресс шёл, никакого застоя не было. Это всё чепуха и враньё. Но сработали такие факторы, как идеологическое разложение наверху и образование “пятой колонны” Запада. И сыграл роль фактор предательства. Обычно предательство рассматривается в категориях морали или в юридических понятиях. В данном случае перед нами предательство как социальное явление. Поскольку оно стало массовым, то есть захватило многих, оно стало фактором социальным, и он сыграл большую роль.

Чем занимался Горбачёв, когда пришёл к власти? Он разрушил партийный аппарат и в конце концов перевел высшую власть на уровень Верховного Совета. Фактически при Горбачёве началось уничтожение сверхвласти. Партийный аппарат у нас – это была власть, а совсем не то, что партия западная. С этого началось разрушение советской системы власти. Это сверху проходило. Западные инструкторы, конечно, умело манипулировали верхами.

В. К.: Что это было – явление Горбачёва двадцать лет назад?

А. З.: Это была холодная война, перешедшая, по моему определению, в стадию тёплой войны. К средствам холодной войны присоединились новые средства. Важную роль здесь сыграли диверсионные операции огромного масштаба. Проведение самого Горбачёва на пост Генсека – это была диверсионная операция. Его именно провели на пост Генсека. Если посмотреть, как западные службы работали над советским Кремлём, то тут сомнений никаких быть не может.

В. К.: Его высмотрели, разглядели?

А. З.: Его давно высмотрели. Не хочу копаться в детективном сюжете, но это так.

В. К.: И Яковлева, конечно?

А. З.: Да, это люди Запада. Горбачёв, по существу, сдал страну. Я не знаю, как это выглядело формально, но о том, что вместе с ним началась эпоха предательства, я говорил ещё в 1984 году, когда Горбачёв, будучи в Англии, не пошёл на могилу Маркса. Я комментировал для прессы это событие и сказал, что начинается эпоха предательства. Первый коммунист и будущий глава коммунистической страны не пошёл на могилу основателя коммунистической идеологии – это предательство!

В. К.: А его встречи с Тэтчер тогда?

А. З.: Конечно. И к тому времени в стране уже сложилась такая обстановка, что он был не одиночка. Много людей уже были готовы к капитуляции, к предательству, были заражены этим: Шеварднадзе, тот же Яковлев и другие, интеллигенция, особенно идеологическая... Так что сложилась целая армия предателей.

В. К.: “Катастройка” была, в общем, готова?

А. З.: Когда был употреблён термин “перестройка”, я сразу же сказал: это “катастройка”. Уже в 1988 году вышла моя книга “Горбачевизм”. А до этого было опубликовано более 50 статей на десятках языков мира на эту тему. Люди не видели многого и не понимали, потому что мозги были затуманены. Да и не хотели понимать. До Горбачёва на Западе планировали разрушение советской системы к середине XXI века.

В. К.: Горбачёв ускорил всё?

А. З.: Появление Горбачёва, когда, как он выразился, “процесс пошёл”, стало катализатором. Кстати, я предполагал, что будет именно такой оборот.

Во время одного из моих выступлений на Западе мне был задан вопрос о самом уязвимом месте в советской системе. Я ответил, что самое уязвимое место – партийный аппарат, считающийся самым крепким. В зале начался смехок. А в партийном аппарате, продолжил я, ЦК КПСС. Смех усилился. Продолжаю: а в ЦК КПСС – Политбюро, а там – генсек. Он за полгода может развалить всю страну. Так оно и получилось! Но я-то не знал тогда, что у них свой человек уже был на примете. Они его растили не спеша...

В. К.: До подходящего момента?

А. З.: Имейте в виду, что переворот ведь не в один день случился, всё происходило постепенно. Каждое мероприятие по отдельности не вело к краху. Так, все горбачёвские махинации с системой власти ведь на пленумах ЦК обсуждались. Собирались сотни людей. Что же, они слепые все были?

Процесс разгрома обсуждался, безусловно, и со стороны западных спецслужб. Они, конечно, контролировали всё, что происходило, и достаточно осторожно это делали. Действительно, каждое отдельное событие не вело к катастрофе, но они накапливались всё больше и больше. А следующие диверсионные операции спровоцировали этот “путч” ГКЧП.

Я в тот же день писал, что произошло два путча: один – провокационный, видимый. Что это за путч, если танки пришли без снарядов, без патронов, то есть танки, из которых нельзя стрелять? Это не танки, а материал для пропаганды. И одновременно происходил другой путч, возглавлявшийся Ельциным, реальный политический путч. Посмотрите об этом мои статьи в новом сборнике “Распутье”.

В. К.: А как вы смотрите с точки зрения сегодняшнего дня на все эти “оранжевые” и прочие цветные революции, на то, что произошло в Грузии, на Украине, в Киргизии, на попытку, предпринимающую в Узбекистане? Как вы это оцениваете?

А. З.: Дело вот в чём. Основные события произошли у нас. После 1991-го и особенно 1993 года началось стремительное разрушение советской социальной системы, образовалась новая система власти, разрушена экономика, проведена приватизация, отменена советская идеология, мутным потоком устремилась идеология западная. Короче, идёт стремительное падение страны во всех отношениях. В материальном отношении – вы это прекрасно знаете. Но, кроме того, идейная деградация людей, моральное разложение и физическое вымирание населения.

В. К.: То, что не удалось сделать в 1945 году Гитлеру, удалось сделать сейчас?

А. З.: Удалось. Другими методами, более для них успешными. Причём те, кто разгромил наш Союз, выглядят даже спасителями – дескать, благодетельствовали нас.

Вот что произошло. В результате этого разгрома Россия оказалась неспособной себя защищать. Естественно, оживилась в мире всякая мразь. И то, что сейчас творится на постсоветском пространстве, – неизбежное следствие этого.

В. К.: Плоды?

А. З.: Да, последствия. Кто-то придаёт этому значение: может, мол, и в России быть такое же. Так ведь в России самое страшное уже произошло! Россия разгромлена, хуже не бывает. А то, что там происходит, – это всё спектакли, которые устраивает западный мир, преследуя те или иные частные цели, осуществляя свою мировую агрессию. Это всё пустячки по сравнению с тем, что произошло.

И не стоит удивляться, что всякая мразь – из прибалтийских республик, с Украины, из Грузии, отовсюду – предъявляет России какой-то счёт. Это значит, что Россия не может оказать сопротивление и дать должный отпор, вот и хотят вырвать у нас какие-то куски.

В результате разгрома Советского Союза, его социальной системы, в результате того, что произошло в горбачёвско-ельцинское время, победители, включая не только западных хозяев, но и внутреннюю “пятую колонну”, отдали страну на растерзание мародёров. В политической сфере – политическим мародёрам, в экономической – экономическим мародёрам и в идеологической сфере – идеологическим мародёрам. И то, что стало происходить в стране, – это разграбление. Грабёж. В данном случае это не просто ругательное слово, а точная социологическая характеристика. Грабёж здесь – это научный термин.

Вот, например, стали проводить приватизацию. Но ведь это же не экономическая операция была! Одно дело, когда создавались крупные капиталы в течение десятилетий и столетий по законам экономики, — это один процесс. А в данном случае богатство, которое было создано миллионами советских людей за 70 лет, просто расхватали. Это делёж добычи теми, которые захватили власть, страну!

То же самое происходит в области идеологии, то же и в системе власти. Так что, как бы власть ни усиливалась, она усиливается для себя. Не о безопасности страны они думают, а о своей собственной. Если же говорить об управляемости страной, то та система власти, которая существует, не способна управлять. И вот пышным цветом стал расцветать показной, театральный аспект жизни, имитационный. Вроде что-то делается, а на самом деле — пыль в глаза.

И каждый день какой-то праздник, какие-то награды вручаются. Такое впечатление, будто идёт бурная жизнь. А в действительности — бурное разложение страны. Это пир во время чумы!

В. К.: Нужна мобилизация народа, чтобы добиться перелома?

А. З.: Нелегко добиться перелома. Я в таких условиях вспоминаю начало войны. Нас окружили превосходящие силы немцев, у нас плохое оружие. Казалось бы, мы были обречены. Одни сказали: мы обречены — и пошли сдаваться немцам. Немцы всех их убили. Другие сказали: да, мы обречены и поэтому будем сражаться до конца. И прорвались, какая-то часть вырвалась. Так вот, сегодня от людей нередко слышишь: надо надеяться, кто-то всё-таки нам поможет, кто-то принесёт свободу. Никто не принесёт, никто помогать нам не будет. Все союзники наши бывшие, которым мы помогали, которых вскармливали и которые жили за счёт русских, они будут теперь нас поливать грязью и грабить, как только можно — грабить во всём: в материальном отношении, в культуре, в идейном отношении. Им уже навязана идеология и психология шакалов. Им дали понять: вот вам, рвите, кромсайте. И они действуют. Нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя. А что это значит? Прежде всего — нужно мозгами шевелить. Выдвигаю такой лозунг: надо переумнить наших врагов!

Да, на мой взгляд, главное оружие у нас сегодня — наши мозги. Надо как следует разобраться, понять на научном уровне, что такое был наш советский социальный строй, в чём его колоссальные преимущества и почему он рухнул. Что получилось после этого, каковы дальнейшие намерения Запада в отношении России, куда идёт процесс, на что можно рассчитывать? Вот всё это нужно понять. И находить, изобретать средства сопротивления в соответствии с этим пониманием.

Чтобы правильно поступать, надо правильно понимать. Понимать, понимать и ещё раз понимать! И постепенно накапливать силы понимающих. Детей учить нужно, молодёжь. Вы посмотрите, что делают с нашей системой образования. Значит, здесь необходимо максимальное противодействие. Словом, надо накапливать интеллектуальный потенциал сопротивления. С учётом прошлого и на новом материале, с новым опытом.

В. К.: Вы сами можете участвовать в создании такого потенциала?

А. З.: Мне уже много лет. Очень остро переживаю всё, что произошло с моей Родиной. Но я работаю по мере сил. Постараюсь работать и дальше.

2005 г.

* * *

Он работал до последнего. Но жить ему уже немного оставалось — меньше года.

А эти две беседы, как и многие другие, вошли в книгу “Александр Зиновьев о русской катастрофе. Из бесед с Виктором Кожемяко”, выпущенную недавно издательством “Алгоритм”.